

ДЕТСТВО*

Начну воспоминания с момента, который остался довольно чётко в моей памяти. Я о нём рассказывал своей матери, но она говорила, что не может быть, чтобы такой маленький ребёнок, как я, мог запомнить тот барак, куда поселили всех калмыков, выгрузив из «телячьих вагонов» до распределения по далёким деревням и по различным объектам.

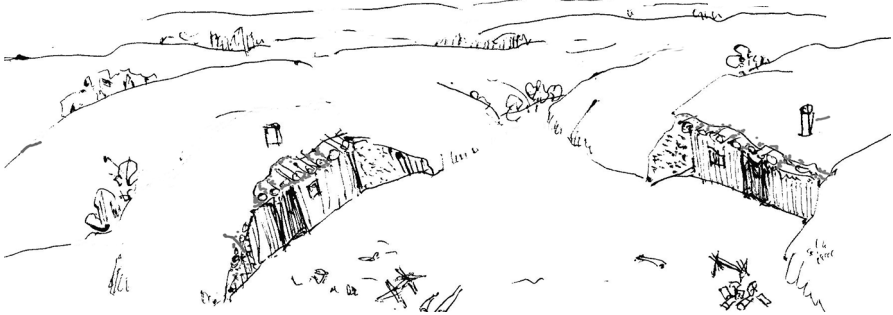
Мне тогда было всего три года. Я не помню ни барака, ни людей, ничего, но запомнил один угол внутри него. Чтобы убедить мать, я нарисовал этот угол: нары одни над другими и в том углу, в простенке, между двумя рядами этих «спальных мест», портрет Сталина. Мать долго молчала.

Глядя на рисунок, медленно подбирая слова, сказала: «Я никогда никому не говорила о том, что там висел портрет Сталина, потому что боялась этого портрета. Мы в то время вслух не произносили его имя. Это невероятно, чтобы трёхлетний ребёнок мог его запомнить. Не будь этого портрета, я бы сказала, что ты всё придумал. Сейчас не знаю, что сказать».

Мы больше никогда не вспоминали в разговорах этот случай. Сегодня на склоне жизни могу восстановить этот рисунок не потому, что я могу это нарисовать, а в силу моей цепкой детской зрительной памяти. Нарисовать необходимо, так как такое свидетельство трёхлетнего узника сталинского произвола даже через столько лет не утратило своей актуальности.

* Фрагменты из книги «Зов родного края. Хроника одной судьбы». 2014 г.

Следующим видением в моей памяти встают две землянки. Вырыты они были, как на фронте, и смотрели друг на друга дверями и маленькими окошечками. Располагались в начале согры – так в тех местах назывались балки. Только вечером заходящее солнце могло заглянуть в двери землянок.

Так жили две семьи: наша в одной землянке, а в другой – высокий старик, с рыжими, характерными для донских казаков усами, и маленькая слепая старушонка. Много позже моя мама назвала имена этих стариков. Это был Намр Акугинов со своей супругой. Её имя стерлось в памяти.

Со слов матери я помню, что ко времени выселения калмыков эта бабушка была уже двадцать два года слепой. Стариков не пожалели, выслали в Сибирь. Их сын (единственный) был офицером Красной Армии, честно воевал и служил Отечеству.

Место ссылки находилось в пригороде Новосибирска.

Про подробности, связанные с довоенным проживанием моих родителей на Дону, разумеется, узнал намного позже и даже познакомился с Дмитрием Намруевичем Акугиновым – сыном тех самых несчастных стариков. Оказалось, что они родом из донской станицы Власовской и тоже «бембдәәхн» – станичники.

Был он высокий, светлолицый, статный калмык с мягким, спокойным характером и таким же, чуть воркующим голосом.

Мать всегда говорила, что он помог отцу устроиться на работу сельским сторожем в подсобном хозяйстве городской психбольницы, которая находилась где-то ещё дальше нас, в лесу.

Теперь я думаю, что в тех тяжелейших условиях, в которых оказались калмыки в первоначальный период депортации, родоплеменные, вековые связи сыграли немаловажную роль в сохранении калмыцкого этноса.

Надо полагать, что Д. Н. Акугинов не стоял на учёте. За ратные заслуги боевой офицер не ходил каждый месяц отмечаться в комендатуру, как делали все калмыки. Таких, как он, в то время были единицы.

Одним из таких, сыгравших огромнейшую роль в том, что наша семья сохранилась в Сибири, был старший лейтенант, штурмовавший рейхстаг, артиллерист, награждённый боевыми орденами – Борис Саксакович Усунцынов.

Если вспоминать самые ранние годы моей жизни, то надо отметить, что я не понимал всего того, что происходило вокруг. Мой мозг, моя память только фиксировали отдельные случаи.

Помню недалеко растущую берёзовую рощу, а по другую сторону большие пшеничные поля и согра, уходящую куда-то далеко вниз. В течение дня по несколько раз бегал к старикам, а они меня всегда приветливо встречали. Что ещё надо ребёнку? Так и жили...

...Следующими картинками, закрепившимися в памяти, стали эпизоды строительства нового, по тем временам большого дома. Его правильнее будет называть полудомом, полуземлянкой.

В отвале старой силосной ямы был сделан подкоп, а недостающую часть стен возвели из пластов дёрна, нарезанных недалеко от места будущего жилья.

Меня удивляло то, что отец ставил лопату с небольшим наклоном и нарезал кубики дёрна, чуть скошенные в одну сторону.

Только теперь понимаю, что это нужно было для того, чтобы кубики дёрна держали друг друга и не рассыпались, получалась двойная связка. Связующего раствора между кубиками дёрна не было. Пласт дёрна толщиной в размер лопаты переворачивали и клали на предыдущие с таким расчетом, чтобы он захватывал два нижележащих, как положено при кирпичной кладке. Довольно прочные земляные «кирпичи» не уступали саманным, из которых строилось большинство домов на родине, в калмыцкой степи. Когда отец уже заканчивал класть стены, мама сложила в будущем доме печку в три оборота, вывела трубу и затопила, хотя крыши еще не было.

Как только пошёл дым из трубы, родители встали на колени и начали истово молиться потому, что бурхн им помог дожить до этого момента, а теперь никто им не помешает довести до конца дело, начатое втайне.

Домик в пригороде Новосибирска

Помню из разговора отца с матерью, что в то время был какой-то закон, по которому не разрешалось, пусть даже на свободной земле, строить себе жилище. Если у него не будет идти дым из трубы, то сооружение будет развалено, а застройщиков накажут.

До сих пор удивляюсь находчивости, смекалке и способности моих родителей находить выход из любых сложных ситуаций. Они прекрасно понимали, что комендант им никогда не позволит заниматься этим делом, потому что без его разрешения калмыкам не позволено было делать самостоятельно ни единого шага. Он в то время был для калмыков богом, царём и всей властью в одном лице.

Пошли на риск и выиграли. Пусть небольшая, но победа в той борьбе за выживание, за своё человеческое достоинство. Возвели крышу, она была двухскатной, обмазали глиной внутри, а снаружи обвальковали глиной с соломой и тоже обмазали сверху глиной, как сотни лет делали люди на родине. Крыша находилась на высоте земляного вала у силосной ямы так, что я мог без труда забегать на крышу, что мне отцом категорически запрещалось. Дом внутри и снаружи обмазали глиной, дали высохнуть и побелили. Я тоже принимал посильное участие в этом деле: месил ногами глину с соломой, подавал валки на крышу и вообще вертелся возле родителей. Дым из трубы до самого момента переезда вился днём и ночью.

Жизнь в новом доме у нашей семьи стала налаживаться: появился достаток, по тем временам довольно крепкий – корова, козы, сажали картошку, выращивали огурцы, капусту, укроп и что-то ещё. Молока нам хватало. Мать даже носила излишки в город на продажу. Отец сделал из оцинкованного листового железа бидон, который был специально приспособлен для ношения на спине с двумя ляжками, как носят солдатский вещмешок. В бидон входило около ведра молока.

Мама уходила в город очень рано, а приходила ближе к обеду и приносила один бублик. Так приятно он хрустел на зубах! Слаще этого бублика ничего не было на свете!

Зимой же молоко замораживали в чашках. Складывали в холодном чулане в мешок. Когда набиралось чуть больше половины мешка, отец взваливал его себе на спину, и они с матерью уходили в город, на базар.

Ещё из молока делали «аадмг» – сухой калмыцкий сыр, сушили его летом на крыше, на солнце несколько дней. Получался традиционный калмыцкий молочный продукт, который с трудом можно было разгрызть. Имел он кисловатый привкус, сохранялся долго. Иногда даже зимой отец заставлял меня грызть его, говорил: «кертгә», что значит нужно, необходимо.

Корову плохо помню, но зато прекрасно помню козла и козу с двумя козлятами.

Когда я пытался играть с козлятами, козёл всегда меня отгонял от них. Он однажды ударом сзади повалил меня на землю, и с тех пор наши отношения очень испортились, мы постоянно следили друг за другом. Отец видел всё это, но не позволял мне отомстить животному. Слово отца было законом!

Ниже дома вскопали грядки для огорода. Они ступеньками спускались по кособокому.

Мне не было скучно. Так я рос один – не в лесу и не в деревне, да и не в городе.

... Всё, что осталось в памяти за тот период моей жизни, проходило на фоне обязательной и каждодневной борьбы со вшами, гнидами и клопами. Каждый вечер, исполняя как какой-то ритуал, мы все снимали свою одежду и воевали с этими паразитами.

Отец с клопами воевал тем, что обмазывал мою лежанку вокруг керосином. Но это мало помогало. Клопы взбирались на потолок и оттуда точно пикировали на мою постель, не давали мне спокойно спать.

Иногда моя память заставляет меня вновь и вновь проходить этот кусочек моей жизни, воскрешать с печалью и грустью то далёкое время, когда, казалось бы, должно было достаться детям всё доброе, радость от жизни, от бытия на земле, ощущение радости от окружающего мира, а самое главное – ощущение сытости.

Вспоминая то время, я не культивирую в себе бациллы ненависти, мести к окружавшему тогда меня миру, к тем обстоятельствам. Моё сердце, моя душа относительно спокойны, только все эти картинки никогда не забываются.

В противном случае из меня получился бы человек, не способный к прощению, доброжелательности, злопамятный и мстительный, а уж это никак не соединяется с профессией художника. Поэтому я с грустью оставляю этот период, чтобы рассказать о переменах в моей жизни и всей нашей семье, следовавших за описанным мной временем...

... Из того времени не забывается один случай, когда мне пришлось ночью дома есть мясо. Я давно уже спал. Вдруг меня расшевелили и говорят: «Ешь быстрее и молчи. Никому ни слова не говори». Оно было чуть сладковатое и очень солёное (для страховки).

Перед этим на ферме пал один вол. Его оттащили на скотомогильник и зарыли. Наш отец этой же ночью пошёл на скотомогильник, раскопал и от задней части павшего вола отрезал кусок мяса и принёс домой. Он-то знал, где находится съедобная часть туши. Потом всё заново зарыл. Не будь он калмыком, а кем-то другим – никогда не решился бы на такое ни один человек.

Вы спросите: «Зачем я так долго и подробно рассказываю о тех мелких приключениях, что пришлось на наши жизни? Стоит ли?»

Стоит!

Это же начало моей осознанной жизни на земле. Если это забыть, значит вычеркнуть из биографии годы становления моей личности. А тех ребят из русских семей, что бескорыстно делились со мной своими знаниями, делились всем, чем могли, я разве могу забыть?!

* * *

После смерти отца, переехав в Новосибирск, мы с сестрой проживали на частной квартире. Иногда к нам приезжал брат Эрдня (Григорий) из города Бердска. Вечерами он делал домашние задания. Однажды, когда его не было, на его чертеже я карандашом повторил цифру «два». Досталось же мне тогда от брата.

... Мы с мамой остаёмся одни. Брат с женой и сыном поехали в Чулымский район Новосибирской области на новое место работы. Ничего не поделаешь, подневольные люди.

Наша мама стала ухаживать за свиньями бригады, стоявшей на отдалении. Уходила на работу очень рано, когда было ещё темно, а приходила поздно, когда уже наступала темнота. Так что мы успевали обмолвиться только несколькими словами. Мне оставалось выслушать задание на следующий день, и я засыпал, чтобы завтра не опоздать в школу. Теперь на мне лежало много обязанностей: разжечь огонь в печи, принести из проруби на пруду воду, наколоть дрова для печи, протопить её, прибраться в доме, расчистить дорожки от снега; да много других дел по хозяйству, что необходимо человеку в деревне. Я ходил тогда уже в четвёртый класс. Я сам располагал временем по своему усмотрению.

По воскресеньям, когда небо начинало светлеть, я тепло одевался, выпускал штанины поверх валенок (внутри были тонкие штаны, портянки), засовывал за пазуху краюху хлеба и уходил на лыжах в ближайший лесок. Из этого лесочка переходил в другой лесок, катался с высоких горок. Ходил по следу зайца и обязательно

Первоклассник

приходил туда, откуда начинал. Со следами лисиц такого не было. Они откуда-то начинались и куда-то уходили. Встречал в лесу куропаток. Они меня всегда пугали своим шумным, неожиданным вылетом из-под снега. Пытался ставить проволочные петли, как делали взрослые мужики, но так и не удалось мне поймать ни одного зайца. Это меня несколько не расстраивало.

Иногда встречались и следы волка. Тогда я взбирался на ближайшую горку, выяснял своё местоположение и внимательно оглядывался. Я уже знал, как надо уходить от них. Надо сначала, увидав волков, как можно быстрее бежать по гребню, а потом резко сворачивать в ложину. Для волка лыжный след на первый взгляд остаётся без изменения. В этом его коварство! Волк тоже поворачивает, делает несколько прыжков и застревает в рыхлом и глубоком снегу. Пока волк или несколько волков пробиваются по мягкому снегу в ложине, лыжник успевает взобраться на другой бугор и удалиться на ещё большее расстояние. Если так проделать несколько раз, то у этих зверей иссякают силы и пыл охотника. Только всегда нужно держать точное направление к дому и выбирать как можно большую высоту. Так у нас в деревне мужики зимой уходили от волков и учили нас, ребяташек. Поэтому у меня не было робости в лесу. От следа к следу, с горки на горку в хорошую погоду я успевал обойти довольно большое пространство. На следующий раз намечал другой маршрут. А зимний день короток. Пора домой. В голове автоматически откладываются твой путь и самая короткая дорога домой.

Меня никто не заставлял проделывать такие рейды. Сам. Мне так хотелось. Мама не возражала против моих прогулок. Возможно, так и продолжалось бы дальше, но тут произошло событие, положившее конец моим прогулкам. К приходу матери я успевал сделать всё, что она мне наказывала. Время летело. Однажды я обнаружил, что дров для печки осталось мало. Что делать? Где их взять? Украсть у других? Нельзя. Маме ещё не говорю о возникшей проблеме. Пытаюсь найти выход из создавшегося положения сам. Как быть? Всё же я нашёл ответ!

Решил сам добывать дрова в лесочке, недалеко от дома. Нужно только перейти снежное поле перед лесом. Сначала пошёл на лыжах на разведку. Приблизившись к лесу, оценил свои возможности, пригляделся к подлеску, где росли тонкие берёзки, и решил, что они-то и подходят для меня. Берёзовые дрова дают больше тепла. Матери ничего не говорю. На другой день, одевшись потеплее, подпоясавшись какой-то верёвочкой, взял деревянные детские санки, стал на лыжи и отправился в первый путь к лесу.

По мере того, как я пробивался по глубокому снегу, мои радужные планы стали сходить на нет, да и мне мешал топор, хоть был

маленький. Я его засунул на спине за верёвочный пояс. Стало идти легче. Довольно быстро добрался до приглянувшихся берёзок. Стал утапывать снег лыжами. Достал топор и хотел рубить берёзку. Да не тут-то было – в лыжах неудобно рубить. Пришлось их снимать. Как снял, сразу провалился в снег почти по пояс. Надо утапывать снег ногами. Промаявшись довольно много времени, всё же утрамбовал снег и основательно устал, пот заливал лицо. Но я знал уже, что нельзя останавливаться и садиться, иначе не встанешь совсем. Понемногу шевелясь, приступил к рубке приглянувшейся берёзки.

Вот когда оценил достоинство инструмента! Достаточно было легонечко ударить отцовским топориком по стволу, лезвие топорика легко входило в древесину, хотя она была промёрзшей. Тогда-то я понял, почему мой отец не позволял трогать инструменты!

Это так окрылило меня, что, забыв про усталость, срубил и освободил от мелких веток ствол, порубил на короткие куски, чтобы потом дома разрубить на три части, сложил на санки и увязал.

С трудом выбрался из снежной ямы, стал на лыжи и потянул санки. На этом мои мучения не закончились, санки утонули в снегу под тяжестью дров.

Делать нечего. Надо разгрузить. С большим сожалением сбросил в снег часть дров, опять перевязав, тронулся домой. Кое-как, но всё-таки дотащил до дома. Потом, учитывая все свои промахи, я нагружал столько, сколько позволял снег. Если снег был свежий, то меньше клал дров, если наст твёрдый – больше.

Мать однажды, когда ей выпал выходной день, заглянула в сарай, где должны лежать дрова, ахнула и замолчала. Потом глянула на меня пристально, спросила у меня о дне, когда закончились колотые дрова. (Прошло с того дня более недели). Быстро спросила о том, что видел ли меня кто-нибудь, когда я вёз санки с берёзовыми дровами. Я ответил, что видели. Ведь в деревне все всё знают, ничего не укроется. Мать долго молчала. Ничего про дрова больше не говорила.

Так мы с мамой пережили ту зиму, которая была не очень суровой и недолгой.

Дров взять было неоткуда. Но никто ни слова не сказал нам по поводу моей снежной эпопеи, как будто никто не видел, не слышал! Самовольно рубить даже подлесок было нельзя.

Жалел народ одинокую вдову-калмычку с маленьким сыном!

Иногда, спрятав в складках одежды, мама приносила домой от силы горсти две пшена или овса. Этим подкармливали свиней в зимний период. Придя с работы, ставила на печь чугунок с зерном. Утром, растопив печь, подогрев, я съедал часть этого варева, чтобы остаток растянуть на весь день. В другие дни иногда с хлебом, а в основном картошка составляла наш рацион питания.

Все люди в деревне тогда жили трудно. Низжайший поклон я приношу всем людям из той безымянной деревушки, что встретилась на нашем жизненном пути в то время. Конечно, большинства из них уже нет в живых, но остались дети, внуки. Пусть до них дойдёт наша искренняя благодарность!

Времена года, подчиняясь своим законам, подошли к осени. За это время ничего приметного не произошло в нашей жизни. Прошла зима. Прошли весна с летом. Наступила красивая осень.

Наступила пора идти мне в следующий класс – пятый. На фермах были только четырёхклассные школы. Дальнейшее обучение можно было продолжить на центральной усадьбе совхоза, на станции «Посевная». От седьмой фермы до центральной усадьбы совхоза было двадцать четыре километра.

За день до начала занятий в школе на попутной телеге мама отвезла меня и устроила на жильё к какой-то старушке.

Неделя быстро пролетела. После обеда, в субботу, за ребятишками из моего класса стали приезжать родители с разных ферм, чтобы забрать детей домой хоть на один день, на воскресенье. С нашей фермы никого не было. Я остался один. Пошёл туда, где жил, оставил сумку с тетрадами, вышел на улицу. Что делать – не знаю. Посмотрел на солнце, оно высоко, время обеденное. Не привык я к тому, чтобы у меня было свободное время. Всегда был чем-то занят. Постоял и ... решился!

Не сказав хозяйке ни слова, вышел со станции на ту дорогу, что вела к нам и ускоренным шагом пошёл. Наверно, через час почувствовал усталость в ногах. Не торопясь снял ботинки, связал шнурками, закинул на плечи и пошёл. Идти стало легче. Пыль на дороге приятно щекотала подошву и пальцы ног. Почти вприпрыжку дошёл до развилки, где одна дорога сворачивала на север, на пятую ферму, а другая прямо шла к нам.

Солнце пекло уже не так, как раньше. Я стал чаще оглядываться. Оно уже светило мне сзади. Ноги сами убыстряли шаг. Потом перешёл на лёгкую тропку. Дорога вела по высокому кособоку. Слева и справа пролегали жёлтые хлебные поля, разделённые деревьями, чуть окрашенными жёлто-красным цветом наступающей тёплой осени. Было красиво. Обулся.

Свернув направо, как вела дорога, я перебрался через несколько низин и холмов. Солнце уже село за горизонт, только его отсвет ещё освещал извивающуюся среди пшеничного поля просёлочную дорогу. Пшеница была высокая. Доставала до плеч. Я не паниковал, не струсил. Места мне были хорошо знакомы. Я все их облазил ещё зимой на лыжах. Осталось пересечь это пшеничное поле, спуститься к

деревенскому пруду, перебежать дамбу и быть уже на шестой ферме. Дальше оставался пустык – каких-то шесть километров.

Но тут мне почудился какой-то шорох, остановился, прислушался. Вроде тихо. Я уже прошёл больше половины поля. Пошёл быстрее и резко остановился. Слышу шорохи, которые сейчас же затихли. Больше ни о чём не думая, кроме как о том, чтобы одолеть расстояние до края поля, бросился бежать. Слышу, что шорох не отстаёт от меня. Выскочил на край поля, отбежал метров на пятьдесят и оглянулся... Меня охватил ужас. Из стены пшеницы в мою сторону глядели с десятков жёлтых глаз. Я всё понял: – волки! Ничего не помню, что было дальше. Как я одолел спуск? Как пробежал по дамбе? Как поднялся на косогор, где стоял крайний дом? Как перемахнул через тын с торчащими из него острыми кольями? Помню только, что, ввалившись в дом, прохрипел: «Волки». Слышал звук выстрела из ружья. Потом понял, что это стрелял хозяин дома.

На моё счастье в это время волки были сыты, а матёрые натаскивали молодых волчат, приучали к гону. В высокой пшенице они меня не видели, ориентировались по звуку. Я думаю сейчас, что этот факт дал мне единственный шанс уцелеть.

Тут уж было не до пути домой. Видимо, испытыв такой стресс, я быстро заснул. Просыпаюсь очень рано, поблагодарив хозяев, бросился бежать домой. Мимоходом глянул на тын, он был выше меня.

Когда я добрался до седьмой фермы, солнце поднялось, а день вступил в свои права.

Мама, увидав меня, спросила: «Кто тебя привёз?». Я рассказал всю мою историю. Она всплеснула руками с причитаниями: «Ой! Медмг, медмг!» («Ой, самонадеянный самонадеянный»).

Был воскресный день. Завтра утром начнутся уроки.

Мама на попутной машине в этот же день отправила меня назад, на станцию Посевная. Строго-настрого запретила без её ведома покидать центральную усадьбу совхоза.

Это был самый впечатляющий, самый острый момент моей детской жизни. Теперь я знаю, что значит так называемый «животный ужас»! Не дай Бог никому!

В Новосибирске...

...На семейном совете решили перевести меня в школу поближе к дому.

С превеликим трудом Пантелей Тактинов (муж моей сестры) устроил меня в школу № 8, недалеко от улицы Омской. Это была школа-семилетка. Девочки и мальчики учились порознь. Позднее сделали смешанные классы.

В первый же день, на первом же уроке, в новом для меня классе директор школы объявил, что этот новый ученик будет заниматься с ними и что, ...он является «предателем родины», «врагом народа».

Надо вспомнить, что это был 1954 год, дыхание войны ещё не прошло, в каждой советской семье свежи и горячи раны, не было ни одной семьи, которая не потеряла бы кого-то из своей родни, везде встречались инвалиды войны.

Нет необходимости объяснять реакцию класса. Класс взорвался негодованием.

Директор резким криком остановил шум, указал мне место за партой и вышел. Класс с глухим ворчанием еле дождался звонка, а после дал себе волю. Учитель быстро вышел из класса. Что тут началось?!

Полетели в меня книжки, тетради, сумки и портфели, я еле успевал поворачиваться и прикрывать лицо руками. Все кричали. Слов не разобрать. Я не могу задать вопрос.

Со мной в деревне такого никогда не происходило. Так и прошла перемена.

Прозвучал звонок. Пришел другой учитель. Видимо, строгий. Класс сидит тихо. Урок закончился, и учитель вышел. Но в классе тишина. Только слышен где-то сзади тихий шёпот. Потом поднимается один из ребят и объявляет на весь класс: «Мы ему после уроков дадим!»

Д. Цебинов и я. Новосибирск, ул. Омская, № 47

Когда закончился последний урок, некоторые ученики быстро выбежали, а часть осталась в классе. Я всё понял: одни будут бить спереди, другие сзади. Прикинул в голове: ребята ростом почти с меня, будь, что будет. Медленно выхожу из класса, в коридоре ни души. Выхожу на ступеньки и только спустился с лестницы – началось!

В меня опять полетели портфели, потом и кулаками стали доставать то спереди, то сзади. Но я стоически выдерживаю, стараясь отбиться от кулаков. Разбили нос. Побежала красная юшка. Тут я закричал что есть мочи и начал махать кулаками во все стороны. Все отхлынули от меня, и никто не приближается. Я тогда пошел на них в сторону дома, надеясь про себя, как-нибудь прорваться. По мере того, как я приближался, кольцо отодвигалось и распалось. Пройдя его, через несколько шагов я резко повернулся и увидел, что никто не стронулся с места. Мне стало ясно, что сегодня драки больше не будет.

За что они нападают на меня? Я никого не обидел, не оскорбил. И поступают нечестно, все напали на одного. Я даже не успел расспросить за что? Мне было не больно, но стало так обидно.

... Те ребята, что враждебно приняли меня, иногда собирались и гурьбой пытались поколотить, но делали это не очень напористо, да и я уже давал хороший отпор. Так что вражда постепенно утихала. К концу седьмого класса мы уже стали хорошими друзьями. Я на них уже не имел обиды, и по сей день у меня её нет. Они не виноваты в том, что тогда вели себя так. Виною тому время и обстоятельства, в которых они оказались.

... Моя жизнь в тот период была насыщена многими заботами.

Программа семи классов школы подошла к концу. Предстоит выпуск. На последнем уроке классный руководитель зачитывает оценки, поздравляет всех с окончанием школы. Я жду объявления своей фамилии. Её нет. В самом конце урока, когда все начали проявлять свою радость, учитель уже другим тоном сообщает, что я оставлен на второй год...

Небо обрушилось на меня, перед глазами предметы стали, как в тумане, всё во мне окаменело. Как долго я просидел в классе – не помню. Гляжу: я один, класс пустой. Память не восстанавливает деталей. Вижу уже себя в нашем деревянном сарае. Здесь-то меня провало, слёзы ручьём потекли сами.

Почти день пролежал в деревянном сарае и проплакал. Во мне что-то внутри сломалось, перевернулось, и так стало за себя обидно, не знал, что делать дальше. Мама, конечно, видела всё это, но выждала время, когда обессиленный я впал в какое-то полуобморочное состояние, при-

шла в сарай, уже спокойным голосом сообщила, что мне по русскому языку поставили «тройку». Я с трудом поверил в случившееся. Мама сказала, что теперь мне обязательно надо поступать в техникум, а со следующего дня надо садиться за учебник по русскому языку.

Вот когда я понял пагубность для меня наших переездов из деревни в деревню, из школы в школу! Я почувствовал, что мне нужна помощь учителя по русскому языку. Прибегаю в свой класс. Пусто, ведь сейчас каникулы. Ничего не поделаешь. Заниматься придется самому. Но я уже смотрю на школу другими глазами.

Школа, где я с превеликим трудом получил бумажку об окончании семи классов, осталась в моей памяти особой, очень значимой в моей жизни.

Если бы не слёзы матери, когда она на коленях упрашивала учителя по русскому языку поставить мне «тройку», моя судьба сложилась бы иначе.

Я ожил. Началось моё взросление. Появились зачатки ответственности за себя.

Детство закончилось...

(Продолжение следует.)

